

Русские в повести Э. М. де Вогюэ «Шуба Осипа Оленина»

В. П. ТРЫКОВ

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статью проанализирована не переведенная на русский язык повесть французского писателя и дипломата Э. М. де Вогюэ, выявлены его связи с традицией русской литературы, показано, как конструирование образа русских в повести обусловлено, с одной стороны, литературными моделями, а с другой — «неохристианством» и «неомистицизмом» Вогюэ, одного из ярких представителей католического возрождения во Франции.

Ключевые слова: русский национальный характер, русская душа, католическое возрождение, мотив двойничества.

Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848?—1910) — французский писатель и дипломат, член Французской академии (1888). В качестве секретаря французского посольства Вогюэ прожил в России шесть лет, с 1876 по 1882 г. Он изучил русский язык, женился на сестре генерала Анненкова. Россию Вогюэ знал не понаслышке. Его перу принадлежат произведения о России, написанные в разных жанрах: пьеса «Сын Петра Великого» («Le fils de Pierre le Grand», 1884), книга литературных эссе «Русский роман» («Le roman russe», 1886), сборник рассказов и повестей «Русские сердца» («Cœurs russes», 1893), эссе «Максим Горький» («Maxime Gorki», 1905), мемуары «Дневник. Париж — Санкт-Петербург. 1877–1883» («Journal. Paris — Saint-Petersbourg. 1877–1883», 1932).

В предисловии к «Русскому роману» Вогюэ писал, что цель книги — понять «тайну этой загадочной страны России» (Vogüé, 1886: X) и «русской души» (l'âme russe). Вогюэ следует традиции культурно-исторической школы во французском литературоведении (прежде всего И. Тэна и Ф. Брюнетьера), видевшей в литературе прежде всего выражение «духа нации», исторический документ, свидетельствующий о нравственно-психологическом состоянии общества на определенном этапе его исторического развития. Руководствуясь методологией культурно-исторической школы, Вогюэ в «Русском романе» пытается на материале русской литературы реконструировать нравственно-психологический облик русского народа, его «дух», «гений», разгадать русский национальный характер.

Продолжением этих усилий стал сборник рассказов и повестей «Русские сердца», завершает который повесть «Шуба Осипа Оленина» («Le Manteau de Joseph Olénine»). Композиция повести напоминает некоторые новеллы П. Мериме (в частности, «Кармен», где Мериме ставил задачу разгадать «загадку» цыганского народа¹): это «рассказ в рассказе», записки русского помещика Осипа Оленина, найденные в его бумагах после смерти и каким-то образом оказавшиеся в распоряжении французского издателя. Подобный композиционный прием задает определенную оптику. Во-первых, возникает «эффект достоверности» рассказа, так как события, о которых рассказывается в повести, не являются выдумкой, плодом чьего-либо воображения (неважно, чьего — самого Оленина, автора-рассказчика). Здесь француз-издатель выступает всего лишь как «посредник», «переводчик» (и, возможно, не только в переносном, но и в прямом смысле, переводчик с русского на французский), пересказывающий историю, зафиксированную в посмертных записках ученого-археолога Оленина, который, как уверяет издатель, «имел солидную репутацию в научном мире России» и «во всем любил правду» (Vogüé, 1893: 179–180). Во-вторых, подобная композиция задает дистанцию между французом-издателем и русским автором записок. Возникает ситуация диалога двух культурных сознаний. Эта дистанция подчеркнута словами, которыми француз-издатель завершает свое предисловие к рассказу: «...Впрочем, в его (Оленина. — В. Т.) стране случается многое, что показалось бы стран-

ным во всякой другой...» (там же: 180). Так уже в начале повести, в предисловии издателя-француза возникает тема странности, необычности русской действительности и русско-го характера.

Развитием этой темы становится рассказ об одержимости Оленина чужой дамской шубкой, обладателем которой он становится в результате дорожного недоразумения. Отправившись однажды в поездку, он по дороге теряет свою шубу, и станционный смотритель по ошибке присылает ему чужую, как выясняется впоследствии, потерянную в дороге графиней ***ской. Оленин «влюбляется» в шубку, любит ее красотой, наблюдает, как она переливается и искрится на солнце, вдыхает тонкий аромат духов, источаемый шубкой. В итоге шубка становится для Оленина, как он говорит, «чем-то чуть менее важным, чем собака, и чуть более значимым, чем цветок, а одержимость этой вещицей нарастала с каждой минутой» (там же: 192).

Исходная ситуация повести, комплекс мотивов и тем (мотивы одиночества героя, самостоятельной жизни вещи, предмета, мотив сумасшествия, тема роковой власти вещи над личностью и судьбой героя, странная метаморфоза, происходящая с персонажем, пробуждение в нем другого «я» под влиянием «шинели» и т. д.) отсылают читателя к гоголевской «Шинели». Как, впрочем, и ее название «Le Manteau de Joseph Olénine», что в дословном переводе с французского вполне можно перевести, как «Шинель Осипа Оленина». Шуба по-французски — *pelisse*, *fourrure*, реже используется словосочетание *manteau de fourrure*. В тексте повести чаще всего встречаются два первых слова для обозначения шубы. В название же Вогюэ не случайно вынес слово *manteau*, стремясь вызвать в сознании читателя параллели с гоголевской повестью, к тому времени уже хорошо знакомой французам, неоднократно переводившейся на французский язык именно под таким названием — «Le Manteau». Обращается Вогюэ и к приему олицетворения, который широко использовал Н. В. Гоголь. Сравним два пассажи. Вот отрывок из «Шинели» Н. В. Гоголя: «С этих пор как будто самое существование его сделалось

как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель» (Гоголь, 1984: 598). Приведем отрывок из повести Вогюэ: «Иногда мне казалось, что она шевелится, выпрямляется, принимает сладострастные позы, а лучи света играют на ней золотистыми бликами...» (Vogüé, 1893: 191). Оленин вечерами ведет с шубкой долгие беседы. «...Я уже многое знал о ее характере, секретах, прошлом. Как все ей подобные, она имела свою жизнь и свои причуды» (там же: 199).

Как и герой гоголевской повести, Оленин меняется под воздействием шубки: взрослый, солидный мужчина, серьезный ученый и благоразумный помещик превращается в поэта, мечтателя, фантазера. Он забрасывает свои научные штудии, целиком отдается своей «влюбленности». Эта причуда пробуждает в нем чувство жизни и красоты, неведомые ему ранее среди хозяйских забот, научных занятий, размеренного течения однообразной деревенской жизни. «Я устыдился своего ребячества и погрузился в чтение. Должен признаться, что оно уже не увлекало меня так, как прежде. Сад, простиравшийся под моими окнами, украшенный красками уходящей осени, приковывал мой взгляд, который затем неизменно вновь падал на соболью шубку, улыбающуюся подле меня» (там же: 189).

Вогюэ был хорошо знаком с творчеством Н. В. Гоголя. В книге «Русский роман» он посвящает русскому писателю обстоятельный раздел, высоко оценивает его как «первого в ряду русских прозаиков», писателя, в творчестве которого «Россия наконец осознает свой дух и характер» (Vogüé, 1886: 71), отмечает, что в творчестве Гоголя он пытался отыскать секрет «русской души» и, что для нас особенно важно, выделяет «Шинель» как образец гоголевского реализма и гуманизма (там же).

Был еще один момент, который побуждал Вогюэ дать столь высокую оценку Н. В. Гоголю и предпочесть его А. С. Пушкину, — это то, что Вогюэ называет «мистицизмом» Гоголя (там же: 105). Мистицизм, в трактовке Вогюэ, — антитеза западному рационализму и вытекающему из него нигилизму, опасность распространения которого в России также стала одной из тем «Русского романа». «...Нигилист — тот, кто лишен всякой веры», — утверждал Вогюэ (там же: 281). Еще в «Русском романе» Вогюэ писал о России как «стране блуждающих душ (*pays d'âmes vagues*), похожих на души моряков... подпитывающей смутное стремление к небытию, которое русская душа таит в самых своих глубинах» (там же: 12). Русские в повести «Шубка Осипа Оленина» показаны в этой неприкаянности: они почти всегда в пути. Оленин сначала по неотложным делам уезжает из столицы в свое имение в Буково, затем его слуга Иван по приказу хозяина отправляется на станцию в поисках потерянной шубы, затем Оленин едет на станцию, чтобы встретиться со своим другом, приезжающим в Киев, путешествует графиня ***ская, Оленин по приглашению графини ***ской наносит визит в ее имение. Эти непрерывные перемещения персонажей символизируют «блуждание душ», о котором писал Вогюэ в «Русском романе».

Лекарством от разрушительного стремления к небытию, свойственного, по мнению Вогюэ, русским писатель считал мистицизм, который он называет «важнейшим элементом русского духа» (там же: 30) и который особенно импонировал ему в русских, что вполне понятно, если вспомнить, что Вогюэ выступал с резкой критикой рационализма, позитивизма, натурализма, был апологетом и одним из ярких представителей католического возрождения во Франции на рубеже XIX–XX вв. (см. об этом подробнее: Calvet, 1927: 136).

«Мистик» Оленин верит в невероятное, в то, что шубка таинственным образом влияет на его жизнь, мироощущение, придает ей смысл, воплощает в себе какую-то тайную часть его души, как впоследствии он поверит рассказу графа о привидении, время от времени появляющемся в его имении и ворующем фамильные ценности. Выслушав рассказ гра-

фа, Оленин замечает: «Воспитанный моей няней-украинкой в уважении к народным традициям, я не имел ни малейшего желания смеяться над услышанным» (Vogüé, 1893: 237). Кстати, верит в привидение, по словам графа, и вся его дворня.

Мистицизм порождает как достоинства, так и недостатки русских. Следствием мистицизма становится свойственное русским безразличие к материальному миру, сфере вещей. Это свойство демонстрируют представители разных слоев российского общества, люди разных взглядов, характеров, уровня образования: помещик и ученый-ориенталист Оленин, светская дама, графиня ***ская, потерявшие в дороге свои шубы и не сразу заметившие их исчезновение, станционный смотритель, перепутавший шубы при их возвращении владельцам, крестьянин-слуга Иван, отправленный Олениным на станцию за потерей и не удосужившийся взглянуть, что находится внутри пакета, который передал ему станционный смотритель. Разбитые российские дороги, грязь на них, грязные руки слуги Ивана, которыми он хватается шубку, — детали, фиксирующие неустроенность русского быта и дополняющие образ русских «мистиков».

Конечно, многое в понимании русского характера было навеяно Вогюэ романами Ф. М. Достоевского. Так, представление о русской страстности, одержимости, иррациональности формировалось не без влияния образов Рогожина, Настасьи Филипповны и других героев Ф. М. Достоевского. «Персонажи Достоевского все пребывают в состоянии одержимости, как его понимали в средние века: чужая и необоримая воля толкает на совершение, против своей воли, ужасных поступков», — писал Вогюэ в «Русском романе» (Vogüé, 1886: 261). Герой повести «Шинель Осипа Оленина» — такой же одержимый. Правда, его одержимость по сравнению с рогожинской довольно безобидна. Он никого не убивает, однако его страсть (то, что сам Оленин называет своим *araignée* — «пауком») толкает его на экстравагантные, казалось бы, непредсказуемые и предосудительные поступки. Оленин, отдавая себе отчет в предосудительности своего поведения, не торопится возвра-

щать шубку ее хозяйке и вечером отсылает прочь слугу Ивана, пришедшего забрать чужую вещь, чтобы наутро вернуть ее на станцию. Оленин одержим желанием облачиться в дамскую шубку, но приличия мешают ему исполнить свое желание. Однако внутренняя борьба завершается победой желания, и Оленин, рискуя вызвать насмешки и осуждение своих крестьян, облачается в дамский наряд, чтобы отправиться в дальнюю деревню проследить за вырубкой леса в его владениях. При встрече с графиней ***ской он наотрез отказывается вернуть ей ее шубку, и только настойчивость графини заставляет его исполнить свой долг и соблюсти правила приличия.

В «Русском романе» Вогюэ сочувственно цитирует слова Свидригайлова: «Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особой гениальности». «Я подписываюсь под этими словами», — добавляет Вогюэ (Vogüé, 1886: 268). Эта идея о широте русской души, ее сложности, противоречивости и непредсказуемости, фантастичности русских находит в повести выражение в мотиве двойничества, вновь отсылающем к творчеству Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Постепенно Оленин все отчетливее ощущает, как под воздействием шубки в нем пробуждается другое существо, или, точнее говоря, другая, прежде неведомая ему часть его личности. «...Мне казалось, что с каждым днем я становлюсь все менее самим собой, что преображение совершилось; во мне проснулся целый мир нежных чувств, сильных и утонченных наслаждений. Я изменил свою душу, как поменял шубу, я избавился от прежнего немолодого мужчины; мне казалось, что я стал женщи... А, впрочем, нет! Говоря откровенно, мне представлялось, что я стал сумасшедшим» (Vogüé, 1893: 202–203).

Двойник живет и в душе графини ***ской, также, как станет видно впоследствии, склонной к фантастическому и беспорядочному. Впервые Оленин встречает ее на станции, облаченной в мужскую шубу, и принимает за мужчину. Свою ошибку Оленин объясняет следующим образом: «Вы скажете мне, что это слу-

чай нередкий в России, где наши суровые зимы заставляют нас облачаться в нелепые наряды, превращают улицы в причудливый маскарад прохожих, не имеющих ни отчетливого внешнего вида, ни возраста, ни пола» (там же: 206–207). Эта мысль Оленина о «бесформенности» русских, высказанная по частному поводу, отсылает к идее Ф. М. Достоевского о незавершенности, неоформленности русского характера. «Формульность — достояние. Рама есть удел Запада, от формулы они и погибнут, формула тянет к муравейнику. Как можно больше оставить на живого духа — это русское достояние. Мы приняли святого духа, а вы к нам несете формулу» (Достоевский, 1980: 205). И далее Ф. М. Достоевский пишет слово, которое, очевидно, было включено им в контекст его размышлений о специфике русского духа: «Двойничество» (там же).

Оленин, увидев это странное существо, пол которого он не может определить, испытывает смущение, потому что ему кажется, что это он прежний, его прежнее «я» (l'ancien moi), с которым он теперь неожиданно встретился. Оленин прохаживается по станционной зале, снова и снова встречаясь с «знакомым незнакомцем», которой оказалась графиня ***ская, и размышляет: «Раздвоенный таким образом, наблюдая за тем, как одна моя половинка избегает другой, я чувствовал себя все более нелепым при каждой новой встрече» (там же: 209).

Подобно тому как в Оленине живет женское «я», в графине — мужское. В «Русском романе» Вогюэ писал, что И. С. Тургенев схватил одну особенность русских: «...русский мужчина нерешителен, русская женщина, напротив, решительная и уверена в себе, именно она бросает вызов судьбе, знает, чего хочет, и добивается этого» (Vogüé, 1886: 172–173). В повести «Шинель Осипа Оленина» графиня ***ская демонстрирует мужскую модель поведения, она инициативна и активна. Она первая заговаривает на станции с Олениным, предлагая ему вернуть ей ее шубку. Именно графиня приглашает Оленина выпить с ней чашку чая, прежде чем они обменяются шубами. Она проявляет мужскую настойчивость и непреклонность, требуя, чтобы Оленин вер-

нул ей ее вещь, когда он отказывается это сделать, и добивается своего.

Впоследствии лучше узнав графиню, Оленин дает ей такую характеристику: «Натура двойственная, как бы состоящая из двух душевных половинок, плохо сочетающихся одна с другой. <...> В ее спокойной, немного уставшей, скованной одиночеством душе вдруг загорались искры лукавства и вспыхивали проблиски поэзии. Временами речи моей новой знакомой, казалось, были внушены ей каким-то духом непостоянства, одним из тех бродяг тайного мира, которые поселяются иногда в самых добропорядочных семействах и переворачивают там все вверх дном. Тогда она становилась беспокойной, капризной, совершенно непредсказуемой, то вдруг погружалась в глубокую задумчивость, то становилась беззаботно веселой; странный смех, вырывавшийся из глубин ее существа, казалось, принадлежал не ей и был похож на застольную песню, исполняемую нечестивцем на церковном органе» (Vogüé, 1893: 233–234). Смех этого «другого» читатель еще услышит в финале повести.

Графиня ведет с героем своеобразную игру. Она, с одной стороны, держит себя светской дамой, порядочной замужней женщиной, рассудительной аристократкой с чувством собственного достоинства. С другой стороны, она не может поверить, что Оленин увлечен не ею, а ее шубкой. Она приглашает его посетить ее имение, в котором она живет со старым прикованным к инвалидной коляске мужем, явно надеясь на продолжение знакомства и возможное развитие романтической интриги. Одиночество, однообразие и тоска русской провинциальной жизни пробуждают и подпитывают в графине, как и в Оленине, как во всяком русском, мистическое чувство и как следствие веру в возможность чего-то невероятного, желание вырваться за пределы повседневности, жажду перемен событий, приключений.

Читатель ничего не узнает о настоящих чувствах графини и ее намерениях из внутренних монологов этого персонажа или авторских комментариев, однако Vogüé использует в повести «библейский код», чтобы намекнуть читателю на истинное положение вещей. Три

основных персонажа повести Оленин, графиня ***ская и ее супруг граф соотнесены с тремя персонажами истории библейского Йосифа. Имя главного героя Осипа Оленина — русский вариант еврейского Йосиф. Подобно библейскому Йосифу, обладателю разноцветной рубахи, вызвавшей зависть его братьев, Осип Оленин становится обладателем прекрасной шубки. Так же как Йосиф, Оленин лишается своего наряда. Образ графа, некогда занимавшего высокий пост губернатора, соотносится с образом Потифара, начальника телохранителей фараона. А графиня — с супругой Потифара, влюбившейся в Йосифа и, не встретив ответного чувства, ложно обвинившей его в изнасиловании. В сцене на станции, когда графиня подхватывает свою шубку, спавшую с плеч Оленина, а тот нечаянно на мгновение удерживает руку графини в своей, между персонажами происходит следующий диалог. Графиня говорит: «А знаете ли Вы, что если кто-нибудь сейчас войдет, он решит, что мы разыгрываем сцену между мадам Потифар и Вашим тезкой». На что Оленин отвечает: «Жена Потифара питала менее жестокие чувства к моему тезке». Далее следует реплика графини: «Сравнение неправомерно, мсье. Мой муж уже в отставке» (Vogüé, 1893: 221).

Эта небольшая сцена и короткий диалог в свете библейских реминисценций приобретают большое значение; раскрывается истинный смысл происходящего. Графиня, как супруга Потифара, увлечена Олениным или, во всяком случае, предвидит возможное любовное приключение, не веря словам Оленина о его влюбленности в шубку и расценивая их как прикрытие его мужского интереса к ней. Оленин вполне искренен, уверяя графиню, что «она во всей этой ситуации с шубкой совершенно ни при чем», что не она как женщина интересуется его, но лишь «тот идеал, который родился в его воображении из складок шубки» (там же: 218). Графиня не верит словам Оленина. Говоря, что ее супруг уже вышел в отставку, она намекает Оленину, что ему не стоит опасаться мести некогда влиятельного вельможи, в случае если бы Оленин решил проявить гораздо больший интерес к ее особе. За этим следует приглашение посетить ее имение с говорящим

названием Рогоносцево (Rogonostzova), якобы для того, чтобы снова увидеть столь дорогую сердцу Оленина шубку.

Интрига получает дальнейшее развитие, когда Оленин, истосковавшись по шубке, отправляется в Рогоносцево. Он радушно принят, представлен графу, но вскоре замечает, что отношение к нему графини становится более сдержанным и даже холодным, по мере того как она убеждается в том, что настоящая цель его визита не свидание с ней, а встреча с шубкой. Графиня сначала смеется над нелепой, с ее точки зрения, привязанностью героя к ее шубке, а затем проявляет раздражение и, наконец, видимую враждебность.

Совсем иначе ведет себя граф, проявляя неизменное гостеприимство и доброжелательность по отношению к Оленину, приглашая его вновь посетить его имение, хотя умный и опытный вельможа не может не понимать всей двусмысленности ситуации. Но этот прикованный к инвалидной коляске старый вояка хочет, как и его супруга, «выйти за пределы», прервать монотонность своего существования, пусть даже ценою флирта его супруги с гостем. Более того, он становится участником игры, которую ведет его супруга с Олениным, и даже инициатором розыгрыша гостя. Именно граф рассказывает Оленину легенду о домашнем привидении, которое крадет фамильные ценности. Любопытная и многозначительная деталь в рассказе графа, содержащая для внимательного читателя указание, намек на то, что граф прекрасно понимает сложившуюся ситуацию: оказывается, привидение, блуждающее ночами по дому графа, — это дух молодой жены его далекого предка, которую тот приказал утопить за супружескую неверность.

В конце концов, готовая, как и ее предшественница, изменить мужу, но разочарованная нерешительностью и медлительностью Оленина, графиня решается на отчаянный шаг. Во время очередного визита Оленина она заявляет, что шубку ему не отдаст, но позволяет несчастному «безумцу» на ночь забирать его «сокровище» к нему спальню. Ночью она пробрается в спальню Оленина и забирает шубку. В темноте Оленин, воображение которого

возбуждено рассказом графа о привидении, ворующем самые ценные вещи в доме, принимает графиню за привидение. Он уверен, что привидение похитило шубку, бросается на колени, молит вернуть ему его «сокровище» и вдруг ощущает влажное дыхание на своем лбу и чувствует «шубку» в своих объятиях. Оленин лишается чувств.

Всюду в финале повести демонстрирует прекрасное владение приемами лаконичной и емкой в смысловом отношении детали в духе П. Мериме, реминисценции, подтекста. Читатель лишь по некоторым репликам персонажей, деталям может догадаться о случившемся. Повесть завершается сообщением Оленина, что «привидение вернулось» и что именно оно удерживало его в имении графа еще долгое время, в результате чего он совершенно забросил свои научные занятия, перестал общаться с коллегами и светскими знакомыми, на письма которых неизменно отвечал, что «занят теперь исключительно шубами». Очевидно, что «мистик» и фантазер занят теперь исключительно графиней. Поэтическая одержимость шубкой уступила место банальному адюльтеру. Все встало на свои места: мужская, грубая ипостась в душе Оленине восторжествовала над другой, женской, поэтической и мечтательной половиной его «я».

Открытым остается вопрос, понимает ли граф сложившуюся ситуацию. Скорее всего, не вполне. Многозначительным в этом отношении оказывается диалог графа с Олениным, в котором вновь возникают библейские реминисценции. Граф спрашивает у Оленина, почему тот бросил свой научный труд о евреях в Египте, остановившись на главе об Йосифе. На что Оленин, чтобы как-то отговориться, отвечает, что, как ему кажется, он, расшифровав папирусы, совершил революцию в науке: оказывается, Йосифу удалось вернуть свои разноцветные одежды. Граф не улавливает скрытого смысла этой фразы, намек Оленина на то, что ему удалось вернуть прошедшей ночью другую, мужскую половину своего «я». Граф полагает, что речь идет лишь о том, что Оленин ночью вернул себе шубку его супруги.

Иронизируя над «научными открытиями» своего гостя, граф, рассмеявшись, замечает:

«Надеюсь, дорогой египтолог, что не случилось ничего неприятного с моим знаменитым коллегой, начальником стражи фараона?» (Vogüé, 1893: 244). Этот вопрос графа, содержащий намек на Потифара, чья супруга согласно библейской легенде не смогла добиться ответного чувства Йосифа, — лишнее доказательство того, что граф знает о ночном визите своей жены к Оленину. Граф смеется над Олениным: высокопоставленный чиновник смеется над ученым, трезвомыслящий аристократ и светский человек — над поэтом и «мистиком», одержимым какой-то нелепой страстью к шубке, ловкий интриган над, как ему представляется, жалкой жертвой его манипуляций и розыгрыша. Однако хорошо смеется тот, кто смеется последним. Ответом на вопрос графа становится финальная реплика графини, присутствующей при разговоре графа с Олениным. Обращенная к супругу, она не оставляет сомнений в реальном положении дел. «Мой друг, — перебила его графиня, рассмеявшись смехом того «другого», который жил в ней, — мой друг, никогда не следует смеяться ни над своими коллегами, ни над собратьями» (там же). Слова графини лишний раз подтверждают, что именно граф, желавший посмеяться над «чужаками» Оленина, был инициатором «розыгрыша». Однако его жертвой становится сам граф, неожиданно для себя оказавшийся рогоносцем.

Банальная ситуация любовного треугольника во второй части повести разыгрывается Вогюэ как драма русского национального характера, широта, неоформленность и непредсказуемость которого оборачиваются нравственной неряшливостью, а склонность к «мистицизму», мечтательности, «чужакам», желание вырваться за пределы — пошлым адюльтером.

Однако финал повести напоминает, что было одно свойство русских, которое Вогюэ оценивал неизменно высоко, — способность к сочувствию, состраданию. Финальная реплика графини, воспрещающая насмешку над своим ближним, перекликается с неоднократно выраженной Вогюэ в разных его произведениях о России мыслью о гуманности и милосердии (*charité*) русских. В творчестве русских

писателей Вогюэ было дорого, что они в отличие от своих французских коллег, писателей-реалистов и натуралистов, не глумятся над своими героями, пусть даже самыми жалкими и нелепыми, не высмеивают их, но сочувствуют им.

Для французского писателя-реалиста «сумасшедший, глупец — чудовище, достойное презрения, для Гоголя он — несчастный собрат» (Vogüé, 1886: 97–98).

Рассказывая историю «сумасшествия» своего героя, Вогюэ следовал этой традиции русской литературы, которая вообще многое определила в его представлениях о русском национальном характере.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О творческом замысле П. Мериме, реализованном в «Кармен», и о некоторых жанрово-композиционных особенностях новеллы см. подробнее: Луков, 1983: 60–63.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоголь, Н. В. (1984) Избр. соч. М. : Правда.
 Достоевский, Ф. М. (1980) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 20.
 Луков, Вл. А. (1983) Изучение системы жанров в творчестве зарубежных писателей: Проппер Мериме. М. : МПГИ им. В. И. Ленина.
 Calvet, J. (1927) *Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine*. P. : Lanore.
 Vogüé, E. M. de. (1886) *Le roman russe*. P. : Plon-Nourrit.
 Vogüé, E. M. de. (1893) *Cœurs russes*. P. : Armand Colin.

THE RUSSIANS IN E. M. DE VOGÜÉ'S SHORT STORY «THE FUR OVERCOAT OF JOSEPH OLENIN»

V. P. Trykov

(Moscow Pedagogical State University)

The article analyzes a short story, which have never been translated into Russian, by French writer and diplomat E. M. de Vogüé. The author reveals the writer's relations with the traditions of Russian literature and shows how the construction of the image of the Russians in the story is determined, on the one hand, by the literary models and by the writer's «neo-Christianity» and «neo-Mysticism», on the other. E. M. de Vogüé was one of the outstanding representatives of the Catholic renaissance in France.

Keywords: Russian national character, the Russian soul, the Catholic renaissance, motif of doubleness.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Gogol', N. V. (1984) Izbr. soch. M. : Pravda.

Dostoevskii, F. M. (1980) Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka. T. 20.

Lukov, Vl. A. (1983) Izuchenie sistemy zhanrov v tvorchestve zarubezhnykh pisatelei: Prosper Merime. M. : MPGI im. V. I. Lenina.

Calvet, J. (1927) Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. P. : Lanore.

Vogüé, E. M. de. (1886) Le roman russe. P. : Plon-Nourrit.

Vogüé, E. M. de. (1893) Cœurs russes. P. : Armand Colin.